

Московский государственный областной университет

На правах рукописи

РЕПНИКОВ АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ

**КОНСЕРВАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ
ПЕРЕУСТРОЙСТВА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Специальность: 07.00.02 - Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор
Шелохаев В.В.

Москва

2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
 ГЛАВА I.	
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ.....	24
 ГЛАВА 2.	
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНСЕРВАТИВНОГО	
МИРОВОЗЗРЕНИЯ.....	74
 ГЛАВА 3.	
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В МИРОВОМ	
ПРОСТРАНСТВЕ.....	196
 ГЛАВА 4.	
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЫ.....	246
 ГЛАВА 5.	
ВЗГЛЯДЫ КОНСЕРВАТОРОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ	
ПРОБЛЕМЫ.....	319
 ГЛАВА 6.	
СУДЬБЫ ЛИДЕРОВ КОНСЕРВАТИЗМА В	
ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД.....	377
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	440
 СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	446

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В течение долгих лет термину консерватизм придавалась заведомо негативная окраска. Представители этого течения общественно-политической мысли рассматривались исключительно как «реакционеры», «мракобесы» и т. д. Зачастую, считалось, что «консервативного творчества» быть не может, поскольку основной идеей консерватизма является приверженность ко всему отжившему и вражда ко всему новому и передовому. Бытовал стереотип, согласно которому консерваторы изображались ретроgrадами, стремившимися повернуть вспять «колесо истории». В значительной степени подобная оценка базировалась на том, что консервативная часть русской общественности на рубеже XIX – XX веков действительно была недовольна и начавшейся модернизацией, и реально существовавшими недостатками государственной политики (многие из которых консерваторы критиковали не менее жестко, чем либералы). Консерваторы видели пути решения проблем, стоящих перед страной, не в радикальной революционной ломке, а в опиравшемся на национальный опыт постепенном эволюционном реформировании системы. Таким образом, главным «камнем преткновения» общественных течений России того времени был вопрос о проведении преобразований или их тотальном отрицании, а в вопросе о том, какими ценностями следует руководствоваться при осуществлении реформирования России (то есть — реформа ради России или Россия для реформы).

Точка зрения на консерваторов как «отрицателей всего прогрессивного» грешит заведомой односторонностью. Упомянем в связи с этой темой высказывание Филипповой Т.А., о том, что само «появление термина «контрреформы» — это типичное проявление того концептуального милитаризма, который прочно и абсолютно неосознанно засел в головах исследователей»¹. Даже в недавно вышедших изданиях, посвященных

¹ Правил — как завещал отец? «Круглый стол» // Родина. 1994. № 11. С. 42.

русскому консерватизму, мы неоднократно встречаем специфические милитаризированные термины. Либералы и консерваторы «наступают» и «отступают», переходят из одного «лагеря» в другой. Реакция «выжидает», «вооружается», «берет реванш» и т. п. В таком контексте история общественной мысли рассматривается как поле борьбы между прогрессивными и регрессивными силами. Победа прогрессивных (реформаторских) сил при такой трактовке, способствует прогрессу — движению вверх — от низшего к высшему, а любой «откат» назад воспринимается, как контрреформа, реакция и т. д. Но так ли порочно обращение к прошлому, к традициям? Не являются ли попытки «вернуться в прошлое» естественной защитной реакцией государственного организма в целом (и отдельных интеллектуалов в частности) на слишком поспешные преобразования? Что бы ответить на эти вопросы нужно преодолеть дихотомию «реформа» – «контрреформа». Для этого необходимо учитывать наличие во взглядах творцов «контрреформ» религиозной составляющей, поскольку она (а не только защита интересов правящего сословия, своих собственных имений, общественного положения и прочие прагматичные интересы) в значительной степени влияла на их действия.

Русские консерваторы были не только «охранителями» в прямом смысле этого слова. Они также пытались найти компромисс с происходившими в стране переменами. Вместе с тем, они были не готовы поступиться собственными идейными установками, что порой придавало их действиям оттенок непримиримости. Поиски компромисса, по их мнению, должны были вестись «на консервативном поле». Это, конечно, значительно уменьшало возможность прийти к какому-либо соглашению с оппонентами, но ведь и другие общественно-политические силы рубежа веков были настроены не менее жестко по отношению к своим политическим противникам.

Попытки рассмотрения генезиса русской консервативной мысли в рамках противопоставления понятий «традиция – модернизация» или

«прогресс – регресс», непродуктивны, поскольку ни традиция, ни модернизация не являются неким абсолютom. Реформы не ведут непременно к улучшению уровня жизни большинства населения, а контрреформы далеко не всегда имеют деструктивный характер². Следовательно, есть (хотя бы умозрительно) некий срединный путь, учитывающий и необходимость социально-политического реформирования, и ценность традиционных мировоззренческих установок. Во многом, благодаря осознанию рядом исследователей необходимости поиска этого срединного пути, словосочетание «консервативная модернизация» в последние годы заняло устойчивое положение в словаре отечественных политологов, попало в монографии и вузовские учебники³.

Консерватизм означает признание возможности *развития* на почве сохранения традиционных ценностей. Безапелляционное противопоставление традиции и модернизации возникает в том случае, если с понятием модернизации связывается *исключительно* заимствование зарубежного опыта, а под традицией понимается приверженность ко всему старому и отжившему в социально-политической и общественной жизни. В этом случае вместо понятия «консерватизм» более уместно употреблять понятие «реакция». Реакционная деятельность подразумевает, что субъект ее осуществляющий противится *любым* переменам в политической, общественной и экономической жизни, и в «чистом» виде политиков-реакционеров найти не просто (далее в работе будет показано, что многие убежденные националисты и консерваторы всячески отреклись от тех, кого считали реакционерами и критиковали их не менее жестко, чем либералов или радикалов). Историк Лукьянов М. Н. отмечает, что «резкая

² См.: Гросул В. Я., Итенберг Б. С., Твардовская В. А., Шаццло К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов / Под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж, 2001. Вып.1; Боханов А. Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002.

³ См.: Консервативная модернизация: сценарий на ближайшее будущее // Россия: третье тысячелетие. Вестник актуальных прогнозов. 2001. № 2.

критика реально существующих институтов вполне совместима с консерватизмом. Справедливо и обратное утверждение: поддерживать любой реально существующий порядок — не обязательно означает быть консерватором. Очевидно, что консерватизм в принципе не означает противодействия переменам»⁴. Просто эти перемены консерваторы пытаются сделать управляемыми. «Остановить движение человечества нельзя, можно и должно прорыть правильное русло для течения общественной мысли и общественного чувства», писал по этому поводу Сыромятников С. Н.⁵

В современной политической ситуации, когда некоторые из постулатов консервативной идеологии находят отклик не только в российской политической элите, но и в обществе, большое значение приобретает формирование адекватных представлений об историческом облике консерватизма в самодержавной России. Сегодня возросшей популярности консерватизма в российском обществе способствует и то, что каждая политическая сила вкладывает в это понятие содержание, которое ей выгодно в него вкладывать в данный момент. Между тем любой консервативный проект предполагает, в первую очередь, охранение тех общих традиций, на которых базируются консервативные концепции. В настоящее время терминологическая неопределенность касается не только понятия «консерватизм», но и понятия «традиция». Как определенная психологическая установка традиционализм внеидеологичен и вечен — был, есть и будет всегда. Так на какие же традиции мы хотим опереться? Отвечая на этот вопрос сегодня, обычно уходят от прямого ответа, и обращаются к тому, что называют «традиционные ценности»: патриотизм, нравственность, семья и т. п. В настоящее время понимание традиции, как и понимание консерватизма, размыто значительно в большей степени, чем это было столетие назад. Есть «революционные традиции», «православные традиции»,

⁴ Лукьянов М. Н. Консервативная научная интеллигенция и власть (1907–1914) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е–начало 1920-х годов : Материалы Международного научного colloквиума. СПб., 2003. С. 343–344.

⁵ Сыромятников С. Н. (Сигма) Опыты русской мысли. СПб., 1901. Кн. 1. С. 73.

«либеральные традиции» и т. д. «В конце концов, свои традиции есть и у тех нигилистов, которые прилагают все усилия для уничтожения русской культуры; некие традиции имеются даже у “воров в законе”», пишет Руткевич А. М.⁶ Так что непонятно, какие же традиции сегодня будет охранять консерватизм.

Современные исследователи (Шелохаев В. В., Сергеев С. М.⁷ и другие), выдвинули точку зрения (поддерживаемую и нами), согласно которой предлагают разделять консерватизм и традиционализм. «В контексте современных исследований проблем традиционализма и консерватизма необходимо проводить между ними различия по всем составляющим: теории, идеологии, политики. Едва ли нужно доказывать, что консерватизм, в отличие от традиционализма, является продуктом нового времени», пишет Шелохаев⁸. Терминологическая путаница усиливается еще и тем, что в настоящее время «почти отсутствуют попытки исследования консерватизма как целостного социокультурного феномена, мировоззренческого стиля, реализующего себя не только в политике, но и в других сферах...»⁹. Обобщающих исторических работ о консервативном мировоззрении рубежа веков мы на сегодняшний день не имеем, а пустующая ниша заполняется не профессиональными историками (с имеющимся у них богатейшим материалом), а в лучшем случае — философами и (или) политологами. В худшем случае за апологию (или огульную критику) консерватизма принимаются публицисты.

⁶ Руткевич А. М. Что такое консерватизм? М.—СПб., 1999. С. 98.

⁷ Сергеев С. М. Идеология творческого традиционализма в русской общественной мысли 80–90-х годов XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002; *Он же*. «Творческий традиционализм» как направление русской общественной мысли 1880–1890-х годов (к вопросу о терминологии) // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М., 2003. С. 35–60.

⁸ Шелохаев В. В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Консерватизм в России и мире : В 3 ч. / Под ред. А. Ю. Минакова. Воронеж. 2004. Ч. 1. С. 58–59.

⁹ Абелинскас Э. Ю. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология. (Опыт обоснования). Екатеринбург, 1999. С. 6.

Если мы обратимся к политической традиции, то увидим, что в своих глубинных основах она с трудом поддается трансформации. Современный исследователь В. В. Аверьянов отмечает, что даже после самого радикального переворота (имеются в виду две революции 1917 года, и последующие за ними события) жизнь в ее толще оставалась прежней. Традиция довлела над революционерами и диктовала им свои законы¹⁰. Можно зафиксировать наличие в нашей стране традиционных основ политической культуры, которые, несмотря на происходившие с обществом радикальные изменения, передаются от одного поколения властителей к другому, сохраняя свое содержание.

Русский консерватизм, пытаясь оформиться в начале XX века в идеологию, способную отвечать на вызов времени испытывал влияние и традиционализма, и либерализма, и даже левого радикализма, но идеологическая непримиримость, усиленная революционными событиями 1905–1907 годов замедляла этот процесс. «Творческий консерватизм», о феномене которого в последние годы стали писать исследователи, переплетался в теории и на практике с охранительством, традиционализмом и откровенной реакцией. Подобное явление было связано с догоняющим типом развития России, традиционное общество которой только «лишь вступило в пореформенную эпоху на путь медленной трансформации в гражданское и правовое»¹¹.

При всем многообразии публикаций, посвященных отечественной консервативной мысли, вопрос о существовании единой консервативной модели или же ряда таких моделей развития России остается дискуссионным. Поэтому правильнее говорить о существовании ряда концепций, выдвигаемых консервативными мыслителями (отдельные положения этих концепций были внесены в программные документы монархических союзов и партий).

¹⁰ См.: Аверьянов В. В. Природа русской экспансии. М., 2003. С. 256–283.

¹¹ Шелохаев В. В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма. С. 58.

Что такое либеральная и социалистическая идеология в той или иной степени представляют все. Можно выявить инвариантное ядро либерализма и социализма, но в отношении консерватизма сделать это не так просто¹². Леонтьев К. Н. еще в XIX веке писал о том, что «либерализм в России есть система весьма легкая и незатейливая еще и потому, что охранение у каждой нации *свое*: у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один...»¹³. Русский, английский, японский, американский консерватизмы — различны по своей природе уже в силу того, что консерватизм, опирающийся на традицию, более национален (а, иногда и националистичен), чем либерализм. Попытка создать универсальную консервативную идеологию, призвав объединиться консерваторов «всех стран», абсурдна, хотя можно заметить много общего в теоретических основах европейского и русского консерватизма¹⁴. Но из этого не следует, что английский (или японский) вариант консерватизма применим для Европы, а немецкий или французский — для России. Непонимание многообразия консервативной идеологии все чаще приводит к ситуациям, когда к консерваторам скопом относят: Жозефа де Местра, Берка Э., Карлейля Т., Токвиля А., Уварова С. С., Победоносцева К. П., Леонтьева, Столыпина П. А., Тихомирова Л. А., Пуришкевича В. М., Бисмарка О., Юнгера Э., Шмитта К., Эволю Ю., Ильина И. А., Солоневича И. Л., Рейгана Р. и даже большевиков¹⁵.

¹² Попытки сделать это были предприняты в ходе ряда конференций: Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. А. И. Нарезный, В. В. Шелохаев. М., 2001; Консерватизм и традиционализм на Юге России. Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 9. Р./на-Дону, 2002; Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара, 2002 и т. д.

¹³ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред., сост. и комм. Г. Б. Кремнева; вступ. ст. и комм. В. И. Косика. М., 1996. С. 268.

¹⁴ См.: Лукьянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 147–156.

¹⁵ Список тех, кого причисляют (и кто сам себя причисляет) к консерваторам можно продолжать до бесконечности, что свидетельствует не только о популярности консерватизма, но и о достаточно слабой осведомленности некоторых современных

Возможно, что все более усиливающаяся терминологическая путаница в отношении самого понятия «консерватизм» заставит со временем пересмотреть классические понятия консерватизма, либерализма, традиционализма и попытаться дать им новое осмысление. Мы можем или полностью отказаться от старых понятий, что вряд ли возможно, или же признать, что знакомые определения изменили свои значения и переопределить их, но это уже задача отдаленного будущего.

Эволюция как отдельных личностей, так и самих идей показывает, что, видимо, нельзя раз и навсегда дать окончательное определение понятия «консерватизм». В каждую конкретную эпоху и в каждой конкретной стране это понятие наполняется новым смыслом. Это касается и определения «правые», которое зачастую воспринимается как синоним слова «консерваторы», хотя к правым могут относиться и либералы, и даже радикалы, то есть любой консерватор — «правый», но не любой «правый» является консерватором. Это наблюдение представляется справедливым на фоне современных политических реалий, когда силы, противоположные по своей направленности русскому консерватизму, пытаются использовать в политической борьбе архетипы массового русского сознания, связанные со словом «правый».

Следует в этой связи обратить внимание на то, что сам термин «правые», совпадал с особой семантикой слов русского языка, содержащих корень «прав», что способствовало принятию русскими монархистами начала прошлого века данного обозначения в качестве самоназвания.

Особую актуальность обращению к консервативным концепциям вековой давности придают в наши дни попытки популяризации

политиков в вопросах возникновения и генезиса консерватизма в России и мире. Например, исследователь Панов П. В. выдвигает тезис о наличии консервативных элементов в идеологии партии большевиков «уже на этапе зарождения большевизма». См.: *Панов П. В. Консервативные элементы в идеологии партии большевиков // Исследования по консерватизму. Консерватизм в современном мире: Материалы международной научной конференции. Пермь, 27–28 мая 1993 г. Пермь, 1994. Вып. 1. С. 134–151.*

дореволюционной консервативно-монархической традиции. Эти попытки были предприняты Михалковым Н. С.¹⁶, но заметного успеха они не имели, так и не оформившись в серьезный научный проект. Что касается широких слоев населения, то, как отмечал еще в 2000 году эксперт фонда Карнеги Рябов А. «...все усилия, имевшие целью выстроить новую политическую мифологию на образе дореволюционной России, и связанная с этим кампания вокруг Николая II оказались абсолютно безрезультатными. В обществе не нашлось слоев, способных такую мифологию воспринять»¹⁷. Исследователь Руткевич также считает, что «традиция консервативной мысли была у нас пресечена, а потому всякая реконструкция оказывается субъективной»¹⁸. Об этом пишет и современный историк Коновалов В. С., отмечающий, что «при характеристике монархического лагеря, как, пожалуй, никакого другого, мышление историков сковывают не столько прежние идеологические стереотипы, сколько пока еще вседвоящее желание подогнать под одну общую оценку любые сложные, противоречивые, многомерные явления»¹⁹. К тому же идеализация императорской России часто вызывает у исследователей раздражение, ведь если мы обратимся к первоисточникам (в первую очередь, к архивным материалам, книгам, статьям, дневникам и эпистолярному наследию самих консерваторов), то увидим, что в среде консерваторов росли эсхатологические предчувствия. Изучение переписки и дневников показывает поразительную глубину отчаяния лидеров русской консервативной мысли по поводу ощущаемой ими обреченности самодержавной России. Наступление духовного упадка в обществе, рост антимонархических настроений и прочие подобные явления и процессы консерваторы относили на счет пропаганды либерализма и социализма, которые, вытесняя из жизни сакральное понимание

¹⁶ См.: *Иванова Е. В.* О семинаре по проблемам консерватизма в Российском фонде культуры // *Вопросы философии* 2001. № 8. С. 166–170.

¹⁷ Есть ли будущее у российских консерваторов? // *Независимая газета*. 2000. 12 января.

¹⁸ *Руткевич А. М.* Что такое консерватизм? С. 16.

¹⁹ *Аграрный вопрос в России в начале XX столетия. Обзор / Автор обзора В. С. Коновалов. Отв. ред. В. М. Шевырин. М., 1996. С. 42.*

государственности, заменяли его либо идеей парламентской демократии, либо идеей построения социалистического общества.

Объектом исследования избраны исторические процессы происходившие в России конца XIX начала XX веков, их осмысление консервативными идеологами и поиск адекватных ответов на связанные с этими процессами исторические вызовы времени.

Предметом исследования являются различные концепции переустройства России, разрабатываемые и предлагаемые консервативными идеологами с целью сохранения существующего режима; содержание и специфика их мировоззренческих установок. Особо отмечу, что сама по себе история правых политических партий в работе не рассматривается, однако в рамках избранной темы затрагиваются теоретические построения главных идеологов правых партий и союзов.

Хронологические рамки исследования охватывают период от 1890-х годов XIX в., до 1920-х годов XX в. В 1880-90-е годы происходят качественные изменения в социально-политической жизни России. Эти изменения оказывают непосредственное воздействие на теорию русского консерватизма, заставляя реагировать на вызовы времени. Ход исторического процесса заставляет консерваторов начать разработку социально-экономического и национального вопроса, обратить особое внимание на внешнеполитические проблемы. К тому же появляются новые вызовы в виде либеральной и социалистической альтернатив. Инвариантное ядро консерватизма, включающее в себя сохранение монархического, иерархического и религиозного принципа, остается при этом неизменным, но появляются новые черты в консервативных теориях, оказывающие воздействие и на практику. Относительно конечных хронологических рамок работы отмечу, что 1920-е годы выбраны нами как та граница, после которой носители консервативно-монархической идеи, потерпевшие поражение в ходе Гражданской войны, были вынуждены далее развивать свои концепции за пределами России.

Цель исследования состоит в попытке воссоздания системы консервативных представлений с учетом выявления общего и особенного в разрабатываемых консерваторами концепциях переустройства России.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования предполагается решить следующие **задачи**:

- определить степень научной разработки проблемы;
- рассмотреть место российского самодержавия в историческом процессе с точки зрения консервативных представлений;
- исследовать представления консерваторов о месте и роли Российской империи в мировом пространстве и стоящих перед страной конкретных геополитических задачах;
- проанализировать представления консерваторов о путях решения конфессионального и национального вопросов;
- выяснить взгляды относительно важнейших социально-экономических вопросов;
- показать причины кризиса консервативной мысли накануне 1917 года и дальнейшие пути ее эволюции.

Методологическая база диссертации предопределяется самим предметом исследования и лежит в зоне пересечения двух ведущих направлений современного гуманитарного знания – интеллектуальной и персональной истории.

Доменом интеллектуальной истории являются исторические категории мышления, интеллектуальная деятельность и продукты человеческого интеллекта, а также историческое развитие интеллектуальной сферы (включая ее художественные, гуманитарно-социальные, натуралистические, философские компоненты) в рамках общекультурной парадигмы. Таким образом, в исследовательское поле интеллектуальной истории включается и изучение разнообразного мыслительного инструментария, конкретных способов концептуализации окружающей природы и социума, то есть история субъективности «интеллектуалов» разных уровней и всех форм,

средств, институтов (формальных и неформальных) их общения, а также их все усложняющихся взаимоотношений с «внешним» миром культуры²⁰.

Важное место в интеллектуальной истории занимает интенсивный микроанализ, будь то анализ конкретного текста или ситуации, отдельной творческой личности или межличностных отношений в интеллектуальной среде. Персонализированный, или биографический, подход является традиционно приоритетным в истории мысли и науки, не говоря уже об истории художественного творчества, с учетом роли личностного начала в этих областях человеческой активности. Понятие «personal history» имеет широкое хождение, но далеко не однозначное употребление в зарубежной историографии²¹. В моей работе оно выступает как собственно история личности (ее еще называют «внутренней биографией», в противовес «внешней» или «карьерной»). В фокусе исследования оказывается процесс становления личности, ее душевная и мыслительная работа, развитие внутреннего мира человека. При этом повышенное внимание уделяется историческому контексту, ибо своеобразие судьбы героя объясняется атмосферой его эпохи, среды, ближайшего окружения.

Исследования интеллектуальных элит обновились благодаря методу просопографии. Если дать ему краткую дефиницию, то речь идет о коллективной биографии группы (в данном случае – русских консерваторов), обладающей определенным числом общих черт, – биографии, составленной путем сбора и анализа данных по всем членам группы. Выявив родственные связи, проследив жизненные пути (как индивидуальные, так и коллективные) и собрав определенное количество биографий, можно получить некое представление о социальной группе в целом. Этот метод, использовавшийся еще в XIX в., вновь нашел применение в 1970-е годы при изучении

²⁰ См.: Репина Л. П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. ИВИ РАН. 1999. № 1. С. 5-12.

²¹ Репина Л. П. «Персональная история»: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Вып. 2. М., 1999. С. 76-100.

античности, а в 1990-е годы его распространили на новую и новейшую историю²².

Диссертация основывается на базисных **принципах** исторического познания:

- объективности;
- детерминизма;
- историзма;
- системности.

Атаки на объективность продолжались весь XX век со стороны западных философов (культура постмодерна), доказывавших невозможность достижения объективной истины и бесплодность таких попыток. Конечно, на исследователя влияют социальные, национальные, религиозные и прочие интересы, но всегда находятся пути преодоления трудностей, залогом чему служит, как правило, высокий профессионализм, широкая эрудиция и чувство ответственности перед научным сообществом. Принцип детерминизма обращает внимание на обусловленность исторических явлений и процессов, связанных и взаимодействующих между собой, их причинно-следственные связи. Основное требование принципа историзма – вскрывать органическую связь явлений, этапов, ступеней развития в широком контексте эпохи. Наконец, принцип системности позволяет взглянуть на объект изучения как на сложноорганизованную систему, совокупность генетических, функциональных связей.

Для наиболее полного раскрытия темы диссертации я использовал целый спектр современных специально-исторических *методов*:

- историко-генетический (последовательное раскрытие свойств, функций и изменений реальности из прошлого к настоящему);

²² Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // Французский ежегодник 2001. М., 2001. С. 126-137.

— проблемно-хронологический (расчленение широкой темы на ряд проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности событий);

— диахронный (выделение качественных особенностей процессов во времени, моментов образования новых этапов, определение общего направления развития);

— компаративистский (анализ скрытой сущности явлений, описание общего, повторяющегося, закономерного на основе аналогий, обобщение и исторические параллели);

— типологический (разделение объектов на различные типы по их существенным признакам, выстраивание однородных совокупностей объектов).

Степень изученности темы. Общий анализ степени изученности проблемы сделан в первой главе диссертации. В историографии темы можно выделить дореволюционный этап, советский (в котором можно выделить периоды с 1917 года до середины 1930-х годов; с середины 1930-х годов до конца 1960-х годов и с конца 1960-х до конца 1980-х годов) и современный, или постсоветский этап с начала 90-х годов XX века до настоящего времени.

Дореволюционная историография данной проблемы развивалась в нескольких направлениях общественной мысли: либеральном, марксистском и консервативном. Сторонники либеральных взглядов (Бердяев Н. А., Милюков П. Н. и др.), и те, кто разделял социал-демократические идеи (Левицкий В. (Цедербаум В. О.), Маевский Е., Мартов Ю. О., Меч В. и др.), как правило, вносили в свои работы весомый элемент публицистичности. Что касается работ представителей консервативного лагеря, писавших о своих единомышленниках (Восторгов И. И., Колышко И. И., Никольский Б. В., Страхов Н. Н., Фудель И. И. и другие), то в их работах можно отметить наличие апологетичности в оценках.

Для советского этапа историографии характерно появление литературы исследовательского характера. Присутствие в исследованиях советских

историков марксистско-ленинской парадигмы не мешало им изучать и публиковать ценные архивные документы, связанные со взглядами и деятельностью консерваторов. Вместе с тем в советской историографии можно выделить три периода. Работы выходившие с 1917 года до середины 1930-х годов служили во многом разоблачению консервативной идеологии и ее представителей. С середины 1930-х годов до конца 1960-х годов новых материалов практически не публиковалось. Начиная с конца 1960-х до конца 1980-х годов стали выходить монографические работы и статьи в которых теория и практика русского консерватизма рассматривалась в контексте социал-демократической парадигмы.

На современном, постсоветском этапе (с начала 90-х годов XX века), основываясь на введенном в оборот широком круге источников исследователи стали активно публиковать монографии, статьи и сборники документов в которых получили отражение мировоззренческие основы и деятельность значительного числа консервативных мыслителей.

Тем не менее, данная тема нуждается в глубоком и тщательном исследовании.

Источниковая база исследования. Важнейшей составляющей источниковой базы диссертации стали документы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Центрального архива федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России) и Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ), которые впервые вводятся в научный оборот.

Существенную группу источников составили опубликованные материалы: политические, философские и религиозные трактаты, брошюры, статьи и доклады крупнейших консервативных идеологов, публицистов и политических деятелей; их письма, дневники и воспоминания. Определенный материал по теме диссертации отложился в публикациях

документов политических партий, стенографических отчетах заседаний Государственной Думы, материалах Государственного совещания и т. д.

Консервативная периодика, дававшая оперативные отклики на политические события, представляет интерес, поскольку далеко не все публикации правых идеологов впоследствии включались в сборники их работ и собрания сочинений (подобная практика, например, наличествовала в собраниях статей Грингмута, Меньшикова, Пасхалова, Шарапова). Определенную ценность для исследования представляет мемуарная литература.

Более подробно вопросы связанные с характеристикой источников рассматриваются в первой главе диссертационной работы.

Научная новизна исследования состоит в комплексном рассмотрении концепций русских консерваторов с учетом общественно-политической трансформации российской власти и общества. В работе впервые проведен комплексный анализ концептуальных представлений консерваторов по внутриполитическим, социально-экономическим и внешнеполитическим вопросам. Введение в научный оборот значительного количества ранее не использовавшихся архивных источников позволило расширить и систематизировать представления о мировоззрении ведущих русских консервативных теоретиков и практиков. Благодаря отказу от жесткого оценочного детерминизма удалось переосмыслить ряд положений о месте и роли консервативных концепций в общественно-политической жизни российского общества.

Практическое значение работы заключается в возможности использования ее результатов в исследованиях, посвященных теории и практике российского консерватизма, а также в курсах лекций и спецкурсах, учебной и учебно-методической литературе. Материалы работы могут применяться представителями смежных научных дисциплин — правоведами, социологами и философами. Кроме того они представляют интерес для политологов-практиков и действующих политиков.

Апробация исследования. Общий объем публикаций по теме исследования составляет 80,4 п.л. Ключевые положения диссертационной работы нашли свое отражение в двух монографиях: «Консервативная концепция российской государственности»²³ (рецензии на нее появились в изданиях «Свободная мысль – XXI» и «Гуманитарный вестник»²⁴), «Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков)»²⁵; коллективной монографии «Модели общественного переустройства России»²⁶ (рецензия на нее была опубликована в «Отечественной истории»²⁷) и трех коллективных монографиях, а так же одном учебном пособии.

Имеются семь публикаций по теме исследования в научных изданиях из списка, рекомендованного ВАК для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, две публикации на иностранных языках и тридцать публикаций в энциклопедиях, научных сборниках и ведущих журналах.

В настоящее время в издательстве «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), находится подготовленный мной к печати дневник Тихомирова Л. А. 1915-17 годов общим объемом 27 п.л.

Исследовательские и издательские проекты по теме диссертации неоднократно поддерживались Российским гуманитарным научным фондом.

Рассматриваемые в диссертационном исследовании вопросы поднимались в докладах, сделанных автором на конференциях и в статьях и вызвали отклики в таких научных изданиях, как «Kritika», «Zeitschrift fuer Weltgeschichte», «Slavic Review», «Russian Review», «Вопросы истории»,

²³ Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности : Монография. М., 1999.

²⁴ Важенин А.Г. Свободная мысль–XXI. 2000. № 11. С. 124–125; Попов Э. А., Смагина С. М. // Гуманитарный вестник. 2001. № 1. С. 169–171.

²⁵ Репников А. В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2005.

²⁶ Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2004.

²⁷ Журавлев В. В. // Отечественная история. 2005. № 4. С. 189.

«Отечественная история», «Социально-гуманитарные знания», «Полис», «Свободная мысль – XXI» и др.²⁸

Основные положения и результаты исследования были изложены в 1999-2006 годах в докладах и сообщениях более чем на 20 международных и всероссийских научных конференциях, чтениях, симпозиумах:

— восьмой ежегодный международный симпозиум «Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро- мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса» (Москва, 2001);

— международные научные конференции: «Россия в новое время: образ России в духовной жизни и интеллектуальных исканиях XIX - начала XX в.» (Москва, 1998);

²⁸ Remy J. // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 6, No 1 (1–254). Winter 2005. P. 142; Zeitschrift fuer Weltgeschichte. 2002. № 1. S. 164; Hamburg G. M. Konservatism v Rossii i mire: Proshloe i nastoiashchee: Sbornik nauchnykh trudov. Vol. 1. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001 // Slavic Review. Vol. 62. № 1. Spring 2003. P. 178; Philip J. Swoboda, Milwaukee, WI. Minakov, A.Iu., ed. Konservatism v Rossii i mire: Proshloe i nastoiashchee: Sbornik nauchnykh trudov. Vol. 1. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001 // The Russian Review. An American quarterly devoted to Russia past and present. Vol. 62. P. 316; Нарежный А. И., Щербина А. В. Всероссийская научно-практическая конференция «Либеральный консерватизм в России: история и современность» // Отечественная история. 2001. № 2. С. 211; Хатунцев С. В. Консерватизм в России и мире // Москва. 2001. № 12. С. 211; Белов А. М., Соловьев А. А. Предприниматели и рабочие в трудах историков XX века. Конференция памяти профессора М. Н. Белова // Отечественная история. 2002. № 2. С. 204; Новиков А. В., Чугунов Е. А. Рабочий класс—эпохи и веки // Свободная мысль—XXI. 2002. № 1. С. 119; Макушин А. В. Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 163; Белов А. М., Пушкарева И. М. Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX веке. Конференция памяти Ю. И. Кирьянова // Отечественная история. 2004. № 5. С. 214; Новиков А. В. [Рецензия] Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность / Под ред. А. В. Бузгалина, Д. О. Чуракова, П. Шульце. М., 2002 // Отечественная история. 2004. № 6. С. 167; Журавлева Л. К. В связке вечного исторического и текущего политического // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 6. С. 264–281; Долбилов М. Д., Карпачев М. Д., Минаков А. Ю. Процессы модернизации в России и Европе: социокультурные, политические и духовные аспекты. II международная научная конференция // Отечественная история. 2003. № 2. С. 206; Малинова О. Ю. Исследуя феномен консерватизма // Полис (Политические исследования). 2003. № 3. С. 172; Мамитов А. Тютчевская конференция на берегах Тихого Дона // Москва. 2004. № 7. С. 212; Бутаков Я. А. Консерватизм в России и мире // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 168; Обсуждаем энциклопедию «Общественная мысль России XVIII—начала XX веков» // Отечественная история. 2006. № 4. С. 88–111.

— Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века (Кострома, 2001);

— Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт (Самара, 2002);

— Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX столетии (Кострома, 2003);

— Рабочие – предприниматели – власть в XX веке (Кострома, 2005);

— Реформы и революции в России: XIX – XX вв. (Москва, 2005).

Всероссийских научно-практических конференциях:

— Либеральный консерватизм: история и современность (Ростов-на-Дону, 2000);

— Рабочий класс и рабочее движение России: история и современность (Москва, 2002);

— А.И. Кошелев и его время (К 200-летию со дня рождения) (Рязань, 2006).

Международных научных конференциях и годичных чтениях, проводившихся на базе Российского независимого института социальных и национальных проблем:

— Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы (Москва, 1998);

— П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат (Москва, 1999);

— РНИСиНП: новые замыслы, новые лица - 8-е годичные чтения (Москва, 1999).

Доклады и сообщения неоднократно делались на заседаниях научного семинара Фонда развития политического центризма «Россия в условиях трансформаций».

Среди конференций особо можно выделить международные и всероссийские конференции по проблемам консерватизма, проводившимся в Воронежском государственном университете:

— «Процессы модернизации в России и Европе: социокультурные, политические и духовные аспекты»;

— «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время»;

— Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени (к 90-летию со дня рождения М.Г. Седова);

— «Консерватизм в России и Западной Европе» и др. (Воронеж, 2002-2004 гг.).

Выступления на этих конференциях получили положительные отклики в журналах «Отечественная история», «Социально-гуманитарные знания», «Полис», «Свободная мысль – XXI» и др.²⁹

Структура исследования подчинена проблемно-хронологическому принципу и диктуется поставленными целями и задачами. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, состоящего из 538 наименований. Структура глав обуславливается логикой представлений консерваторов о степени важности анализируемых в диссертации вопросов.

В работе рассматриваются предлагаемые идеологами русского консерватизма концепции преобразования России. Эти концепции, с одной

²⁹ Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2001; Нарезный А. И., Щербина А. В. Всероссийская научно-практическая конференция «Либеральный консерватизм в России: история и современность» // Отечественная история. 2001. № 2; Белов А. М., Соловьев А. А. Предприниматели и рабочие в трудах историков XX века. Конференция памяти профессора М. Н. Белова // Отечественная история. 2002. № 2. С. 203-205; Новиков А. В., Чугунов Е. А. Рабочий класс – эпохи и вехи // Свободная мысль – XXI. 2002. № 1; Белов А. М., Пушкарева И. М. Предприниматели и рабочие России в условиях трансформации общества и государства в XX веке. Конференция памяти Ю. И. Кирьянова // Отечественная история. 2004. № 5; Журавлева Л. К. В связке вечного исторического и текущего политического // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 6. С. 264-281; Новиков А. В., Чугунов Е. А. Рабочий класс – эпохи и вехи // Свободная мысль – XXI. 2002. № 1; Долбилов М. Д., Карпачев М. Д., Минаков А. Ю. «Процессы модернизации в России и Европе: социокультурные, политические и духовные аспекты. II международная научная конференция» // Отечественная история. 2003. № 2. С. 204-206; Малинова О. Ю. Исследуя феномен консерватизма // Полис (Политические исследования). 2003. № 3. С. 171-175.

стороны, в большей или меньшей степени влияли на политическую практику правых партий и организаций, а, с другой — должны были по замыслу их творцов оказывать воздействие на властную элиту России. Основное внимание уделено реакции консерваторов на происходившие в России модернизационные процессы в политической, социально-экономической и национальной сферах. Поскольку консервативная идеология, не исчезла с политической сцены вместе с отречением Николая II от престола, в работу включена специальная глава, в которой представлен краткий обзор эволюции мировоззренческих позиций основных носителей консервативной идеологии после февраля и октября 1917 года — прослеживается судьба наиболее видных правых деятелей в период гражданской войны и эмиграции. Данная глава является логическим завершением работы³⁰.

³⁰ Отметим, что большинство исследователей правого движения в России ограничивают свои работы началом Первой мировой войны или падением самодержавия и революциями, то есть 1914 и ли 1917 годом.